

Приставкин А. Ночевала тучка золотая: Повесть. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.

С. 191. А потом, когда началось, их сразу под Ленинград, и они полетели Берлин бомбить. Оттуда короче было. С первого вылета он вернулся, я его встречала. Мужички у меня тогда совсем, совсем крохотные были. А в семьи тех, кто не вернулся, надо было нам, женам вернувшихся, идти. Так было заведено. Вот что страшно-то, идти в дом, где еще ничего не знают. И делать вид, что зашли случайно.

А потом был второй вылет; Сталин лично им приказал. Для эффекта. А там уж приготовились, это первый раз фашистам в голову не пришло, что мы осмелимся к ним летать... И жены других летчиков ко мне пришли...

С. 124. А у мене сестра больная да девка — невеста, но дурная, голова не в порядке, над ней фашист насильничал.

С. 164. Наконец вышел старик-технолог, прямо в халате, и начал рассказывать всем про Веру, но смотрел он в лицо покойнице. Он говорил, что Вера была молодой девушкой, ей исполнилось девятнадцать, но многое в своей короткой жизни пережила, и главное, она пережила фашистскую оккупацию. Фашисты угоняли население в рабство, а с Верой они справиться не могли... Она трижды сбегала в дороге и трижды возвращалась к себе домой. Последний раз она спряталась в шкаф, и враги вытаскивали ее из шкапа...

С. 5. Слюна наikipала во рту. Схватывало живот. В голове мутнело. Хотелось завывать, закричать и бить, бить в ту железную дверь, чтобы отперли, открыли, чтобы поняли, наконец: мы ведь тоже хотим! Пусть потом в карцер, куда угодно... Накажут, избыют, убьют...

С. 6. Однажды глупая учительница стала читать вслух отрывок из Толстого, а там стареющий Кутузов во время войны ест цыпленка, с неохотой ест, чуть ли не с отвращением разжевывая жесткое крылышко...

С. 90. Мал он для фронта, а на трудработы годился, хоть и недобрал веса. Тощ да мал, да зубы не все выросли.

Согнали их по повестке со всей округи, погрузили в товарняки и через всю Россию, по пути родителей, в далекую Сибирь. За дорогу оголодали они, сено ели, которым пол был устан. В Омске их впервые покормили в грязноватой станционной столовке. Кто

попытней — Илья запоминал, — тот немного ел. А все больше запасался. Корки за голенище, кашу в носовой платок.

Как в воду глядел! Под Новосибирск привезли, там и бросили. Месяц бездельничали: ни начальства, ни работы. Ни питания. Стали разбойничать, на возки с продуктами, с хлебом, картошкой налетать. Расхватывали да разбегались. Посмотрел сейчас Илья на колонистов, как это все на них самих похоже. Большая Россия, много в ней красивых мест, а бардак, посудить, он везде одинаковый...

С. 24. Да пропади пропадом, задарма, этот неуютный, невытый, проклятый, выхолощенный войной край! Где все живут одним военным днем: купить да продать... А те, что стоят у станков да куют в выстудившихся цехах победу над врагом, они-то не только беспризорных не видят, а своих родных детишек запустили до уровня одичания: по двенадцать часов длится смена, так что спят тут же, в цехах...

С. 39-40. И вдруг, что-то сообразив, все бросились вперед. Будто дикая орда понеслась к зеленым посевам и разом собой их накрыла.

Машинист лишь хмыкнул, глядя в окошко на этот разор: в зеленях, как жучки в траве, мельтешила, суетилась, перебегая с места на место, ребятня.

Он долил в жестяную огромную кружку кипятку и, подняв дрожащими руками и пригубив остороженько, добавил:

— Россея не убудет, если детишки раз в жизни наедятся...

На поле же творилось невообразимое. Каждый шарापал как мог. Тащили все, что попадалось под руку. Обрывали молодую, еще в молочных зернышках, никогда не виданную кукурузу. Зубами от плетей отгрызали крошечные тыковки, их жевали, не сходя с места, будто яблоки, вместе с кожурой.

С. 256-257. Лида Гросс, попавшая в мальчиковую спальню потому, что она одна была девочка, а жить одной в холодной спальне невозможно, просила нас называть ее по-русски: Гроссова. Она знала наизусть все лекарства, была очень аккуратной девочкой и всем убирала постели, Она и пол подметала. О своем прошлом помнила лишь, что жила у большой реки, но однажды ночью пришли люди и велели им уезжать. Мать плакала от страха. А потом в поезде маме стало плохо, и ее вынесли, Лида тоже вышла; ее подобрала, умирающую, где-то в чужом городке, на вокзале...

С. 264-265. Остальные остались в комнате. И штатский остался.

Все молча ждали, что он скажет, а он тоже молчал. Создалась мертвая пауза.

Ольга Христофоровна решилась к нему обратиться:

— А у вас... простите, никаких вопросов? Человек даже не шевельнулся. Он продолжал смотреть в окно, будто это не к нему обращались. Но вдруг повернулся, сказал через сомкнутые губы:

— Дайте, пожалуйста, список.

— Список детей? — спросила заведующая. Он протянул руку, не пытаясь ничего объяснять, и Ольга Христофоровна подала ему листок.

Он быстро, мельком заглянул и поинтересовался:

— А вот этот Муса? Он что, татарин?

— Да, — сказала Ольга Христофоровна. — Он сейчас тяжело болен.

— Откуда? — спросил штатский, пропустив мимо ушей про болезнь. — Не из Крыма случайно?

— Кажется, из Казани, — ответила заведующая.

— Кажется... А Гросс? Немка?

— Не знаю, — сказала заведующая. — Какое это имеет значение? Я тоже немка!

— Вот я и говорю. — Голос у штатского звучал очень ровно, в нем было что-то тихое, бесшумное почти, будто два крыла сзади шелестели. Все в нем понравилось бы Кольке, только губы, тонкие, чуть кривые, жили как бы сами по себе, и в них, в том, как они изгибались, было что-то чужое, холодное.

— Понабрали тут, — повторил человек и бросил список прямо на стол, хотя Ольга Христофоровна, уловив его движение, уже протянула руку.

— Мы их не набираем, — сказала Ольга Христофоровна. — Мы их принимаем.

— Надо знать, кого принимаете! — чуть громче произнес человек, и опять же никакого зла или угрозы не было в его словах. Но почему-то взрослые вздрогнули.

И только Ольга Христофоровна упрямылась, хотя видно было, что она больна и ей тяжело продолжать разговор.

— Мы принимаем детей. Только детей, — отвечала она. Взяла список и будто погладила его рукой.

С. 45-46. Черные блестящие глаза, а потом рот, язык и губы. Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук: «Хи». Колька удивился и показал ладонь с сизоватыми твердыми ягодами: «Это?» Ведь ясно же было, что его просили. А о чем просить, если, кроме ягод, ничего и не было.

— Хи! Хи! — закричал голос, и вдруг ожило деревянное нутро вагона. В решетку впились детские руки, другие глаза, другие рты, они менялись, будто отталкивали друг друга, и вместе с тем нарастал странный гул голосов, словно забурчало в утробе у слона.

Колька отпрянул, чуть не упал. И тут, неведомо откуда, объявился вооруженный солдат. Он стукнул кулаком по деревянному борту вагона, не сильно, но голоса сразу пропали, и наступила мертвая тишина. И руки пропали. Остались лишь глаза, наполненные страхом. И все они теперь были устремлены на солдата.

А он, задрвав голову, показал кулак и привычно произнес:

— Не шуметь! Чечмеки! Кому говорят! Чтобы ти-хо! Он шагнул к еще не опомнившемуся Кольке, ловко развернул лицом к станции, будто знал, откуда он взялся, и подтолкнул в спину.

— Топай, топай отсюда! Тут не цирк, и смотреть тут нечего!

С. 65. Вся Россия была в движении, вся Россия куда-то ехала, и мы были внутри ее потока, плоть от плоти — дети ее.

Теперь нас уводили по твердой, в глубоких трещинах дороге, где цвели никем не собранные цветы, где зрели яблоки и щерились, уставясь на солнце, черные, осыпавшиеся наполовину, подсолнухи. И не было ни одного человека. Ни единого...

За весь наш многочасовой путь не попалась нам ни подвода, ни машина, ни случайный путник. Пусто было кругом.

Поля дозревали. Кто-то их засеивал, кто-то пропалывал, убирал. Кто?..

На долгом нашем пути была деревня, кто-то ведь в ней жил...

Отчего же так пустынно и глухо встретила нас эта красивая земля? Отчего даже здание техникума со скоропалительной дурацкой дощечкой, напоминавшей нам о нас, о нашей одинокости, было пустынным, без единого человека?

А мы, и правда, сами напоминали зверят, брошенных для какого-то невероятного эксперимента в пустыню: «500 ч. Беспризорные». Так была обозначена наша порода. Только что означало «ч»? Чечмеков, чумаков, чудиков? А может быть, чужаков?

За нашей спиной в горах снова гулко взорвалось, и девочка, в самой середине колонны, произнесла — мы услышали — «хочу домой». И заплакала.

С. 18. А тут одним махом с освобождением зажиточных земель Кавказа от врага выходило решить все вопросы: лишние рты спровадить, с преступностью расправиться да и вроде благое дело для ребятишек сделать.

С. 77-78. Он на крыльце поднял палец и долго что-то слушал. А когда грохнуло в очередной раз в горах, произнес; — Слышите? А?

— Мины рвут, — определил Колька самоуверенно.

— Ха! Мины... — совсем без улыбки осклабился Илья. — А мы, жалкие переселенческие сучки, огня нежжем, боимся... Боимся! Это разве жизнь? — Он пнул зло попавшую под ноги козью шкуру.

— Кого? — опять спросил Колька.

— Чертей! — крикнул Илья и подтолкнул их к дверям.

С. 123-124. А нас ведь тоже привезли... Из Курской, значит, области.

Братья уставились на тетку Зину. Не сразу поняли, как это можно привезти взрослых, которые вроде сами по себе.

А тетка Зина продолжала:

— Приехал полномочный, велел вещи собирать... А у мене сестра больная да девка — невеста, но дурная, голова не в порядке, над ней фашист снасильничал. Так мы увязали узлы — нищему собраться — лишь подпоясаться! — а сами ревом, а чево ревом... Пусто, даже травой заросло, да и мины там... Ни скотинки, даже кошек поели... В земляночках жили. Нас в товарняк — и повезли. А мы все ревом, все ревом. А полномочный и говорить: «Хватит, бабы, реветь, я вас в рай везу...» А мы-то решили, что в рай, это на расстрел, значит, потому что все изменников искали, хто спал с фашистом, тот у нас и изменник... А моя-то дочь спала, хоть и силком... Ну, и в голос! Аж вагон криком изошел...

Тетка Зина оглянулась. Люди начинали суетиться по цеху, перерыв заканчивался. Она встала.

— А потом привезли в рай, сюда, стало быть, а тут ничего. Даже жить можно. Только эти...

Она не сказала, но показала ладонью, будто шашкой махнула.

— Мы так боимся... Так боимся... У нас уж было... Да вы малы, вам не надоть это...

Сашка спросил, оглянувшись вслед за теткой Зиной; — Скажите, а кто? Кто?

Тетка Зина посмотрела вокруг, быстро зашептала, заталкивая братьев глубже под лестницу:

— Да чечня ж проклятая! Чеченцы прозываются. Не-уж не слышали? Они тут при фашистах вот как мы, изменяли! Можя их девки баловали, мы ж не знаем! Так их сгребли, прям как нас, в товарняки, и узлов собрать не дали! Рассказывают... Нас-то на Кавказ, а их — в Сибирский рай повезли... Рассказывают... А некоторые... — тут голос стал

глуше, едва-едва разбирали Кузьменыши. — Некоторые-то не схотели... Дык, они в горах запрятались! Ну, и безобразят! Разбойничают, значит! Вот как!

С. 165. А еще Колька рассказал, что услышал, в шепоте за спиной, будто Вера сидела в машине и ждала конца вечера, чтобы везти колонистов на ужин... И не заметила, как появились всадники. Они Веру, наверное, и не видели, а видели лишь машину. Но когда они бросили гранату, Вера еще успела выскочить из горящей машины и пробежать несколько метров и упала. А потом выяснилось, что один осколок попал прямо в сердце...

С. 170. — Они Веру убили, — сказал Колька. — Она в кабине сидела. Ей сердце пробили, а она побежала, потом упала.

— А меня пожалели... Почему? Я об этом в больнице все время думала. А когда меня допрашивали, велели об этом не говорить. Вообще ни о чем не говорить. Мол, бандиты — выловят их, и дело с концом. Только я думаю... Не надо было папаху трогать.

— Почему? Не надо?

— Не знаю. Не надо и все. Они на нее смотрели... Так странно... Будто я что-то живое резала...

— А тут солдаты были, — сказал Колька, — которые ловят.

Сашка спросил:

— Эти... Ну, трое — страшные?

— Я и не поняла! — Регина Петровна почему-то снова посмотрела в окно. — Люди как люди. Один в штатском, а двое вроде в военном... Без погон, кажется. И мальчик, такой, как вы... Черненький... Он во все глаза на меня... Отец прицелился, — и она опять показала на лоб, — а он его за локоть...

С. 136. Кто? — спросил Колька, но уже и сам догадался. — Черти?

Так Илья звал чеченцев.

— Ага. Черти. Проскакали на лошадях, с винтовками... Стрельнули, и скорей в горы. Тетка Зина видела. Говорит, чуть не померла со страха.

С. 174. — Просто, — сказал Колька. — Вон огород... Он и тяпкой ни разу не махнул! Собирал чужое, как свое, что до него посеяли!

— А другие? Не чужое?

— Они колхозники...

— Какая же разница!

— А зачем они жгут?

— А фашисты зачем жгут?

— Фашисты. Сравнил... Какие же они фашисты!

— А кто? Слыхал, как боец про них кричал? Все они, говорит, изменники Родины! Всех Сталин к стенке велел!

— А пацан... Ну, который за окном? Он тоже изменник? — спросил Колька. Сашка не ответил.

С. 180-181. — Они хорошие евреи, — подтвердил Колька.

— А почему евреи должны быть плохими? — спросила с интересом Регина Петровна. И о чем-то задумалась. Вдруг она сказала: — Плохих народов не бывает, бывают лишь плохие люди.

— А чечены? — выпалил Сашка. — Они Веру убили. Регина Петровна не ответила.

С. 161. Теперь Кузьменьши разглядели и раненого бойца. Ему оказывали скорую помощь, а он стонал, ругался, а потом закричал пронзительно, братья вздрогнули:

— Басмачи, сволочь! К стенке их! Как были сто лет разбойниками, так и остались головорезами! Они другого языка не понимают, мать их так... Всех, всех к стенке! Не зазря товарищ Сталин смел их на хрен под зад! Весь Кавказ надо очищать! Изменники родины! Гитлеру продда-ли-сь